
НАСЛЕДИЕ (к 50-летию Карибского кризиса)

В октябре 1962 года человечество пережило едва ли не самый драматический эпизод в своей истории: по существу, в те дни и недели решалась судьба планетарной цивилизации. Ниже приведен фрагмент из книги А. С. Феклисова «За океаном и на острове. Записки разведчика» (М.: ДЭМ, 1994, с. 213–240). Текст перепечатывается с любезного разрешения дочери автора Натальи Александровны Асатур.

Александр Семенович Феклисов (1914–2007), Герой России, с августа 1960 по апрель 1964 года был резидентом советской разведки в Вашингтоне, и в 1962 году, когда прямой телефонной связи между руководством СССР и США еще не существовало, лично через него происходил секретный обмен компромиссными предложениями. В мемуарах наглядно показано, как в критический момент мировой истории переплелись политические и индивидуальные амбиции и от каких мелочей зависело будущее нашей планеты.

А. С. ФЕКЛИСОВ

КАРИБСКИЙ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС

Правящие круги США, привыкшие рассматривать Кубу как вотчину Вашингтона, были ослеплены ненавистью к правительству Фиделя Кастро. Они считали одной из своих главных внешнеполитических задач удушение кубинской революции, так как опасались ее воздействия на другие страны Латинской Америки.

Новый президент Соединенных Штатов, Джон Кеннеди, ставленник в конечном счете большого бизнеса, также питал чувство враждебности к независимой Кубе. Он уделял большое внимание рассмотрению плана организации вторжения на остров и свержения правительства Ф. Кастро. План был составлен еще по указанию президента Дуайта Эйзенхауэра, который 17 марта 1960 года при-

казал собрать и подготовить для вторжения бригаду из кубинских эмигрантов, сформировать политическую коалицию из различных эмигрантских групп с целью превращения ее после свержения режима Кастро в правительство Кубы. Подготовка и выполнение этого замысла были возложены на Центральное разведывательное управление США.

Одной из главных задач, поставленных Центром нашей резидентуре в 1960 году, стало получение достоверной информации, раскрывающей тайные агрессивные планы Вашингтона в отношении Кубы. С этой целью наши разведчики приобретали связи среди дипломатов и корреспондентов стран Латинской Америки, а также в различных общественных, коммерческих, научных, культурных и других организациях, занимающихся латиноамериканскими проблемами. Нам удалось приобрести источники, которые передавали секретные данные о деятельности Организации американских государств (ОАГ), об имеющихся у США планах свержения кубинского правительства, о ходе подготовки сил вторжения в Гватемалу и Никарагуа. Они сообщили нам даже точную дату высадки наемников на Кубу. Однако позднее я узнал, что кубинские товарищи по оружию имели более солидные источники, от которых получали подробные сведения о подготавливаемой Вашингтоном агрессии. Правительство Кастро на основании этих данных заблаговременно приняло меры для разгрома интервентов.

Окончательно план вторжения на Кубу рассматривался на совещании под председательством Джона Кеннеди в начале апреля 1961 года. В целях конспирации это совещание проводилось в здании госдепартамента. Руководители ЦРУ заверили президента и участников совещания, что на Кубе уже подготовлено свыше двух с половиной тысяч вооруженных противников режима Кастро и что как только на остров высадится бригада вторжения, на помощь ей придет по меньшей мере четверть населения Кубы. Министр обороны Роберт Макнамара и начальники штабов видов вооруженных сил поддержали ЦРУ. После этого президент Кеннеди утвердил план вторжения. Однако 17–19 апреля 1961 года операция закончилась полной катастрофой. Все интервенты погибли или попали в плен.

Но Кеннеди не успокоился. Он жаждал реванша. По его указанию ЦРУ и Пентагон начали готовить новый план ликвидации режима Кастро, включавший экономическую блокаду, подготовку воинских формирований из числа наемников для вторжения, про-

ведение разведывательно-диверсионных акций и организацию покушения на лидера кубинской революции.

Кеннеди назначил своего брата Роберта, министра юстиции, «неофициальным президентским куратором тайных операций ЦРУ». Он санкционировал операцию против Кубы под кодовым названием «Мангуста», возложив ответственность за ее проведение на генерала Э. Лэнсдейла. Во Флориде создали два оперативных подразделения ЦРУ, насчитывавших более 700 кадровых сотрудников, которые начали подрывные акции против Кубы. Направляемые на остров разведывательно-диверсионные группы из кубинских эмигрантов уничтожили урожай сахарного тростника, распространяли эпидемические болезни, терроризировали население, создавали подпольные вооруженные банды, вербовали агентуру.

Ранней весной 1962 года в консульский отдел советского посольства пришли два рыбака из самой южной части Флориды. Свой визит они объяснили тем, что их мучает совесть за враждебные действия правительства США в отношении Кубы. Положив на стол подробную карту района моря между Кубой и Флоридой, пришедшие рассказали, что американские рыбаки часто ловят рыбу вблизи кубинского побережья. Некоторых, в том числе и их, ЦРУ использует, чтобы перевезти на Кубу группы из двух-трех контрреволюционеров, оружие, взрывчатку и различные технические средства. Груз находится в водонепроницаемой упаковке и закапывается в землю недалеко от места высадки. Такие операции проходят в ночное время. Иногда группы бандитов уходят в глубь острова, а иной раз возвращаются во Флориду. ЦРУ хорошо платит рыбакам за ночные операции.

На карте были помечены маршруты, по которым из Флориды доставляются люди и оружие, и места их высадки на Кубе. Рыбаки отметили, что в последнее время интенсивность ночных акций ЦРУ значительно усилилась. По их мнению, это свидетельствует о том, что США готовят новую попытку свергнуть правительство Кастро. «Нам стыдно, что такая богатая и сильная страна, как Соединенные Штаты, где много говорят о свободе и демократии, делает все возможное, чтобы задушить и подчинить маленькую Кубу, не дает кубинцам жить, как они хотят. Это позор Америки», – так пришедшие рыбаки подытожили свою беседу.

Рыбаки просили принимавшего их товарища проинформировать об их беседе кубинское правительство и переслать ему карту,

где они пометили маршруты и места переброски. Мы их просьбу выполнили.

Одновременно с согласия Центра, чтобы приостановить массовую заброску на Кубу бандитов и оружия, резидентура через свои каналы довела до сведения влиятельного правительственного ведомства США, у которого были натянутые отношения с ЦРУ, что контрразведка Кастро контролирует маршруты заброски на остров людей и оружия американской разведкой. Оружие и техника попадают в руки кастровцев и будут использованы против Соединенных Штатов. Мы организовали также утечку информации о том, что кубинская контрразведка якобы перевербовала нескольких заброшенных на Кубу контрреволюционеров и теперь ведет «игру» с ЦРУ, пытаясь получить как можно больше оружия и денег.

Проведенная дезинформационная операция имела успех. Позднее нам стало известно, что ЦРУ значительно сократило переброску своей агентуры и оружия на Кубу.

Но США все же готовились к новому вторжению на остров, чтобы свергнуть режим Кастро.

Получив сведения об этом, Советский Союз стал оказывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе и ракетной техникой.

Разведка Вашингтона вела непрерывное наблюдение за всеми поставками на остров, особенно из СССР. 14 октября 1962 года разведывательный самолет «У-2» зафиксировал строительство на Кубе пусковых ракетных установок, которые, по заключению американских специалистов, могли в случае вторжения на остров нанести ответный ракетно-ядерный удар по многим центрам Восточного побережья США, включая Вашингтон и Нью-Йорк. Реакция Белого дома оказалась стремительной. Президент немедленно создал исполнительный комитет Совета национальной безопасности (СНБ), в состав которого вошли вице-президент Л. Джонсон, госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, министр юстиции Р. Кеннеди, директор ЦРУ Д. Маккоун, председатель Объединенного комитета начальников штабов М. Тейлор, несколько ответственных сотрудников СНБ и специалистов по СССР. Перед ним поставили задачу: в срочном порядке выработать мероприятия по устранению ракетной угрозы со стороны Кубы. Были приняты строжайшие меры по предотвращению утечки информации о его работе. Чтобы не привлекать внимания журналистов, заседания исполкома проводились в различных местах: Белом доме, распо-

ложенных по соседству правительственных зданиях, госдепартаменте.

Первое заседание исполкома президент Кеннеди провел 16 октября в Белом доме. Оно проходило в откровенно агрессивной атмосфере. Тон задавали военные и представители ЦРУ, призывавшие подвергнуть Кубу массовой бомбардировке, затем провести вторжение на остров и свергнуть правительство Кастро. Их поддержали помощник президента по национальной безопасности М. Банди, министр финансов Д. Диллон, бывший госсекретарь Д. Ачесон. Наконец, первым против предложения военных выступил Р. Макнамара. Он заявил:

– Бомбардировка ракетных установок приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. В этом случае США могут потерять контроль над ситуацией, и тогда эскалация конфликта приведет к войне.

Макнамара также считал, что в результате бомбардировки могут быть уничтожены не все советские ракеты и что уцелевшие немедленно будут выпущены по городам США.

На очередном заседании Макнамара поддержал Роберт Кеннеди:

– Хочу напомнить о событиях в Пёрл-Харборе и выступаю против воздушного налета на небольшой остров Кубу. Мир никогда не простит США содеянного, да и американский народ всегда будет мучить угрызения совести. Нужно опомниться, господа!

К 18 октября большинство членов исполкома согласились с предложением о введении морской блокады. Однако военные подчеркивали, что это лишь первый шаг, за которым должны последовать бомбардировка острова и вторжение.

Из сказанного видно, что при решении возникшего кризиса руководящие круги США стремились добиться не только вывода советских ракет с Кубы, но самое главное – свергнуть правительство Кастро.

Исполком ежедневно по многу часов заседал, пытаясь найти правильный ответ на вопрос: как поступить дальше? Но президент часто отсутствовал. Был канун промежуточных выборов, и Кеннеди вылетал в различные штаты, где выступал на собраниях демократической партии. 17 октября он был в штате Коннектикут, 19-го – в городе Кливленде, а на следующий день прибыл в Чикаго.

18 октября вечером президент принял в Белом доме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, прибывшего в США для участия в Генеральной Ассамблее ООН. Как пишет Р. Кеннеди

в книге «13 дней», во время в целом скучной беседы Громько дважды сказал президенту, что СССР поставляет на Кубу исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для США.

Пока хозяина Белого дома не было в Вашингтоне, Пентагон стянул на близлежащие к Кубе базы военно-морские силы: морскую пехоту, 18-й парашютный корпус и другие части, необходимые для вторжения, всего около ста тысяч человек.

Управление планирования деятельности правительства в чрезвычайных условиях подготовило введение военного положения в стране. Белый дом, Пентагон и другие важные правительственные учреждения получили инструкции о возможном переезде в ближайшие дни в подземные убежища. Семьи руководителей предупредили об эвакуации из Вашингтона в отдаленные районы страны. Подготавливалось введение военной цензуры.

20 октября рано утром в разговоре по телефону Роберт Кеннеди проинформировал президента, что исполком подготовил все необходимые мероприятия, что, согласно новым данным фоторазведки, советские и кубинские специалисты в спешном порядке ведут строительство нескольких пусковых ракетных установок и что президенту необходимо возвратиться в столицу.

В полдень того же дня Джон Кеннеди передал пресс-секретарю Пьеру Сэллинджеру записку: «У президента воспаление верхних дыхательных путей. Температура 99,2 градуса (по Фаренгейту. – А. Ф.). Доктор рекомендовал возвратиться в Вашингтон». Сэллинджер объявил об этом корреспондентам.

В тот же день Кеннеди возвратился в Вашингтон. На его усмотрение были представлены следующие альтернативные решения:

- вторжение на Кубу;
- уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха;
- установление блокады Кубы;
- ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам;
- передача проблемы на обсуждение в ООН.

Исполком рекомендовал президенту принять третий вариант – установить блокаду.

Первые сведения о возникновении кризиса резидентура получила в полдень 21 октября от советского корреспондента, который сообщил мне, что многие американские журналисты с утра собрались у Белого дома, где под председательством президента заседает

кабинет вместе с руководством Пентагона. Ждут каких-то важных событий, каких – ему узнать не удалось. Я попросил его встретиться с американскими газетчиками и попытаться узнать характер обсуждаемых вопросов. Направил в Центр короткую телеграмму о чрезвычайном заседании.

На совещании у посла А. Ф. Добрынина военный атташе сообщил, что в вооруженных силах южных штатов США объявлена высшая степень боевой готовности. Ни посол, ни военный атташе информацией о сосредоточении советских ракет «земля – земля» на Кубе не располагали. Американская пресса, телевидение и радио по указанию Белого дома никаких сведений о надвигающемся конфликте и заседаниях исполкома не сообщали.

22 октября все сотрудники советского посольства занялись сбором информации относительно секретных совещаний в Белом доме.

Меня неожиданно пригласил на завтрак Джон Скали, с которым я регулярно встречался в течение почти полутора лет. Он был в то время известным внешнеполитическим обозревателем телевизионного центра Эй-би-си, раз в неделю вел программу «Вопросы и ответы», в которой выступали министры, члены конгресса, известные политические деятели. Программа пользовалась популярностью – Скали вел ее интересно. Из его рассказов я узнал, что Скали родился в Бостоне и был лично знаком с кланом Кеннеди, включая президента. Очень хорошие отношения сложились у него с госсекретарем Раском, которого он часто сопровождал в поездках.

Беседуя со Скали, я узнавал многое о привычках, нравах и жизни американцев. От него мне удавалось иногда получать полезную несекретную информацию. Со своей стороны, я объяснял неясные ему стороны политики Москвы. Отношения у нас сложились хорошие, мы называли друг друга по имени. Но в общении с ним я осторожничал, подозревая, что о встречах со мной он докладывает в госдепартамент или ЦРУ.

В тот день мы встретились в ресторане «Оксидентал». Скали выглядел взволнованным. Без предисловий он начал обвинять Хрущева в агрессивной политике, говоря, что тот во время венской встречи вместо переговоров пытался путем диктата навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь угрожает США ракетным обстрелом с Кубы. Я перевел разговор на внешнюю политику Вашингтона. Напомнил, что его страна пытается окружить СССР сетью военных баз, сколачивает антисоветские

военные блоки. Упомянул о полетах самолетов «У-2» над территорией Советского Союза, попытках Эйзенхауэра и Кеннеди свергнуть правительство Кастро. Закончил я утверждением, что застрельщиком гонки вооружений и агрессивных действий являются США. СССР же приходится принимать оборонительные контрмеры.

Наша беседа была нервной, к тому же Скали куда-то явно торопился. Перед уходом из ресторана он сказал, что в семь вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к американскому народу, в котором объявит меры, принятые правительством против Советского Союза и Кубы.

Вечером почти вся Америка собралась у телевизоров. Кеннеди обвинил Москву в проведении агрессивной политики, сказал, что Куба стала форпостом СССР в Западном полушарии, сообщил, что на острове устанавливаются советские ракеты, способные нанести ядерные удары по Вашингтону, Нью-Йорку, Мексике, Панамскому каналу. Эти ракеты угрожают безопасности не только США, но и всей Америки...

Президент объявил: для того, чтобы прекратить наращивание на Кубе советского ракетно-ядерного потенциала, вводится строгий морской карантин, то есть блокада острова; что уже отдан приказ военно-морским силам США останавливать все суда, направляющиеся на Кубу, и досматривать их, а в случае обнаружения оружия отправлять их обратно; что приводятся в состояние боевой готовности вооруженные силы Соединенных Штатов. Он сообщил далее, что США внесли в Совет Безопасности ООН резолюцию, требующую, чтобы СССР демонтировал пусковые установки ракет среднего радиуса и убрал их с Кубы. В обращении к народу Кеннеди подчеркнул, что блокада всего лишь первый шаг и что он отдал распоряжение Пентагону проводить дальнейшие военные приготовления.

В соответствии с этим распоряжением министр обороны начал готовить армию вторжения на Кубу – двести пятьдесят тысяч военнослужащих сухопутных войск, девяносто тысяч морских пехотинцев и десантников, авиационную группировку, способную произвести две тысячи самолетовылетов в один день для удара по различным объектам на острове. Все эти силы срочно перебрасывались в юго-восточные районы США. Туда же стягивалось свыше ста кораблей для проведения десантных операций. По подсчетам

Пентагона, потери войск США могли превысить двадцать пять тысяч человек.

По команде Белого дома американские средства массовой информации начали оглушительную кампанию против Советского Союза и Кубы. В печати появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся двадцать пять советских торговых судов и что девяносто кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Несколько раз в день сообщалось о сближении судов. Распространялись сенсационные слухи о том, что у кубинского побережья обнаружены советские подводные лодки и что президент приказал внимательно следить за ними и принять меры для охраны американских авианосцев, в частности атомного авианосца «Эссекс», и других кораблей. За советскими субмаринами охотились миноносцы, самолеты и вертолеты, которые по первому приказу могли сбросить на них глубинные бомбы.

Вокруг Кубы Вашингтон образовал кольцо, которое составили двадцать пять эсминцев, два крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок и большое число вспомогательных судов. Самолеты «У-2» вели непрерывную фоторазведку кубинской территории. Фотоснимки показывали, что строительство установок для запуска ракет ведется круглосуточно и они скоро начнут действовать. Как стало известно позднее, в это время на Кубе уже находились сорок две советские ракеты с ядерными боеголовками.

Исполком высоко оценивал деятельность фоторазведки, которая позволяла знать многое о военных приготовлениях на Кубе. В связи с этим было решено, что если кубинцы собьют «У-2», остров немедленно подвергнется бомбардировке.

Кубинцы серьезно готовились к отражению американской агрессии. На заседании «круглого стола» по Карибскому кризису в январе 1989 года глава кубинской делегации, видный политический деятель Х. Рискет сообщил, что кроме вооруженных сил к отражению американской агрессии готовился миллион добровольцев. Кроме того, командиры советских частей на острове заявили, что находящиеся там сорок тысяч советских военнослужащих примут участие в защите страны.

С каждым днем обстановка вокруг Кубы все больше осложнялась. На юго-востоке США в воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомбардировщики «Б-52» с ядерным оружием на борту. Как только один из них приземлялся для заправки, другой немедленно поднимался в воздух.

Некоторые американцы, опасаясь ядерной войны, уезжали в глубь страны. Многие из них ежедневно ходили молиться в церковь, чтобы не началась война. И конечно, все запаслись продуктами.

Когда советские торговые суда приблизились к линии морской блокады, одни из них остановились, а другие развернулись и направились обратно в советские порты. Американские средства массовой информации истолковали это как признание советской стороной слабости своей позиции, раздались газетно-телевизионные вопли: «Хрущев и СССР дрогнули!», «Хрущев и СССР начали отступать!»

С 21 октября в посольстве СССР персонал работал круглосуточно. Сотрудники резидентуры каждую ночь объезжали здания Белого дома, Пентагона, госдепартамента, ФБР и МРУ и фиксировали: в окнах не гаснет свет, на стоянках много служебных автомобилей – значит, лихорадочная деятельность в верхних эшелонах власти продолжается. На случай возможного нападения на посольство мы усилили охрану, врезали дополнительные замки в двери, установили запоры на всех этажах, проверили сигнализацию и средства уничтожения секретных документов.

Каждый день Хрущев направлял послание Кеннеди, а Кеннеди – Хрущеву. Телеграфные линии связи между Москвой и Вашингтоном были загружены до предела. Так как зашифровка и расшифровка посланий занимали много времени, главы правительств США и СССР стали вести переписку открытым текстом.

Военная истерия накалила атмосферу до такой степени, что достаточно было произойти какому-либо столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями. Под воздействием мощной антисоветской и антикубинской пропаганды, проводимой средствами массовой информации, обстановка в США продолжала осложняться.

В исполнительном комитете СНБ отчетливо понимали: когда закончится монтаж ракетных установок на Кубе и угроза обстрела американских городов ядерными зарядами станет реальной, позиция СССР значительно усилится. Поэтому перед Белым домом встала неотложная задача – не допустить ввода в действие ракетных баз. Многие члены исполкома настаивали на немедленном вторжении на остров. Но президент Кеннеди продолжал искать решение конфликта мирными средствами. Времени для этого у него оставалось все меньше и меньше. К тому же некоторые лица в его окружении считали, что Кремль умышленно затягивает отве-

ты на послания главы администрации Вашингтона, чтобы выиграть время для окончания монтажа ракетных установок под боком у США.

Учитывая, что ситуация с каждым часом становится все более взрывоопасной, я утром в пятницу, 26 октября, пригласил Скали на ленч в ресторан «Оксидентал» в надежде получить от него полезную информацию.

Недавно вышла книга Макджорджа Банди «Опасность и выживание». Автор пишет, что о предстоящей встрече со мной Скали доложил Дину Раску, а тот, в свою очередь, президенту. Как реагировал на это хозяин Белого дома? «Президент Кеннеди, – свидетельствует М. Банди, – поручил Раску сказать Скали, чтобы тот сообщил Фомину (под этой фамилией автор работал в США), что время не терпит». Другими словами, Кеннеди хотел, чтобы Кремль сделал срочное заявление о своей согласии без каких-либо условий вывезти свои ракеты с Кубы. Несомненно, инструктируя Скали, Белый дом рассчитывал: сообщение Фомина о беседе с доверенным лицом Дина Раска будет доведено до сведения Хрущева и тем самым окажет давление на руководство Советского Союза.

Память моя до сих пор сохранила во всех деталях ту встречу со Скали в ресторане «Оксидентал». Как только мы сели, он, потирая руки и с улыбкой глядя на меня, спросил:

– Как самочувствие Хрущева?

– Это мне неизвестно. Я лично не знаком с Хрущевым. Да и находится он сейчас далеко от меня, – ответил я, а затем слегка съязвил: – Это вы на короткой ноге с президентом Кеннеди и много знаете, что происходит в Белом доме.

Скали ухмыльнулся, а потом опять стал обвинять советского лидера в агрессивных действиях:

– Он, видимо, считает Кеннеди молодым, неопытным государственным деятелем. Но Хрущев глубоко заблуждается, в чем скоро убедится.

С жаром развивая эту тему, мой собеседник вдруг перескочил на другое:

– Члены исполнительного комитета все более решительно склоняются к принятию предложения военных о необходимости безотлагательного вторжения на Кубу. Пентагон заверяет президента, что в случае его согласия ведомство в сорок восемь часов покончит с советскими ракетами и режимом Кастро.

– Во-первых, – ответил я, – насколько мне известно, советское руководство считает Кеннеди способным и дальновидным государственным деятелем. Думаю, что он разумный человек и остановит воинственных генералов и адмиралов, собирающихся втянуть его в величайшую авантюру, чреватую катастрофическими последствиями. Во-вторых, кубинский народ защищает свою свободу не на жизнь, а на смерть. Прольется много крови, и США понесут чувствительные потери. В-третьих, президент должен отдавать себе ясный отчет, что вторжение на Кубу равносильно предоставлению Хрущеву свободы действий. Советский Союз может нанести ответный удар по уязвимому месту в другом районе мира, имеющему важное военно-политическое значение для Вашингтона.

Скали, видимо, не ожидал такого ответа. Молча посмотрел мне в глаза и спросил:

– Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?

– Как ответная мера это вполне возможно, – сказал я.

– США и союзные войска будут упорно защищать Западный Берлин, – парировал мой собеседник.

– Знаешь, Джон, когда в бой идет тысячная лавина советских танков, а с воздуха на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути. Кроме того, войска ГДР поддержат наступательные действия советских дивизий. Я думаю, что им вряд ли потребуется более двадцати четырех часов, чтобы сломить сопротивление американских, английских, французских гарнизонов и захватить Западный Берлин. (Через несколько лет, уже находясь в Москве, я однажды беседовал о Карибском кризисе с моим хорошим знакомым, генерал-майором, долгое время занимавшим должность заместителя начальника аппарата КГБ в ГДР. Я спросил его, как быстро войска СССР и ГДР могли бы занять Западный Берлин в октябре 1962 года. Чтобы не быть голословным, он сослался на имевшийся в то время секретный план, о котором знали лишь несколько высших советских и восточногерманских руководителей. По этому плану войска СССР и ГДР должны были занять Западный Берлин за шесть-восемь часов. – *А. Ф.*)

На этом наша полемика закончилась. Молча мы допили остывший кофе, обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем Скали как бы про себя произнес:

– Выходит, война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж далека. Из-за чего же она может начаться?

– Из-за взаимного страха, – ответил я и продолжил: – Куба опасается вторжения американцев. А США – ракетного обстрела с Кубы.

Никаких попыток сформулировать предложение о выходе из возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны. Выразив надежду, что наши руководители не допустят возникновения бойни, мы расстались. Я пошел докладывать содержание беседы послу, а Скали отправился в Белый дом.

Здесь я должен сказать: никто меня не уполномочивал говорить Скали о возможном захвате Западного Берлина как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу. Это походило на порыв моей души. Я действовал на собственный страх и риск, не думал о последствиях, ибо был убежден, проанализировав создавшуюся ситуацию, что дела развернутся именно таким образом. Теперь, задним числом, мне совершенно ясно: да, я рисковал, но не ошибся.

Чего я не ожидал, так это того, что мои слова будут быстро доведены до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди передаст через Скали компромиссное предложение об урегулировании Карибского кризиса.

Часа в четыре дня я начал докладывать Добрынину о беседе со Скали. Вдруг вошел его помощник Олег Соколов и сообщил, что меня срочно к телефону просит Скали. Когда я взял трубку, он попросил немедленно встретиться с ним.

Через десять минут мы уже сидели в кафе отеля «Статлер», находившегося между посольством и Белым домом. Не теряя времени, Скали заявил, что по поручению «высочайшей власти» он передает следующее условие решения Карибского кризиса:

- 1) СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН;
- 2) США снимают блокаду;
- 3) США публично берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу.

Скали добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН.

Я быстро записал и прочитал Скали все, что он мне сказал. Он подтвердил – правильно. Затем я попросил Джона уточнить, что означает термин «высочайшая власть»? Чеканя каждое слово, собеседник произнес:

– Джон Фитцджеральд Кеннеди – президент Соединенных Штатов Америки.

Я заверил Скали, что немедленно доложу предложение послу и оно, надеюсь, будет немедленно послано в Москву. В то же время я обратил внимание моего собеседника на то, что предлагаемые условия не совсем равнозначны. Если вывоз ракет с Кубы производится под контролем ООН, то под наблюдением ООН должен быть произведен и отвод американских войск, стянутых в юго-восточные районы США для вторжения на остров. На это Скали заметил, что такое добавление осложнит и затянет достижение соглашения в период, когда время является самым существенным элементом в разрешении конфликта. И взволнованно добавил, что военные продолжают давить на президента и требуют согласия на вторжение. Кеннеди же не хочет войти в историю как второй Тодзио (Тодзио Хидэки [1884–1948] – в 1941–1944 годах премьер-министр и одновременно военный министр Японии. Казнен по приговору Международного военного трибунала. – *А. Ф.*) и добивается разрешения кризиса мирным путем.

Я еще раз заверил Скали, что переданное мне предложение будет немедленно сообщено в Москву.

Однако одно обещать, а другое – сделать. Быстро у меня не получилось. Я составил подробную телеграмму о двух встречах со Скали и передал послу для отправки в Москву за его подписью. Добрынин минимум три часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры. Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму сам и передал шифровальщику для отправки по каналу резидентуры своему шефу, начальнику разведки КГБ генерал-лейтенанту А. М. Сахаровскому.

В это же время крайнего напряжения достигла обстановка в кубинском правительстве. Наш посол в Гаване А. И. Алексеев рассказал, что вечером в октябре Фидель Кастро пришел в посольство. По предложению Кастро они уединились в бомбоубежище. Кубинский лидер нервничал, испытывал сильное чувство тревоги. Он считал, что американцы могут начать бомбардировку военных объектов Кубы. Алексеев и Кастро составили и послали телеграмму Хрущеву. В ней выражалось опасение, что США в ближайшие часы подвергнут огневому налету ракетные установки. По мнению Алексеева, это подтолкнуло советских руководителей пойти на компромисс.

Утром следующего дня мы с большим волнением ждали ответа из Москвы. Решалось: быть войне или нет. Время шло, но Добрынину из Москвы ничего не поступало. Зато мне пришла депеша из Центра: Сахаровский подтвердил, что получил мое сообщение, и попросил повторить его по мидовскому каналу за подписью посла. Я ответил, что пытался это сделать еще вчера, но Добрынин отказался.

Еще утром в пятницу, 26 октября, Кеннеди дал указание государственному секретарю Раску создать временное правительство из числа антикастровских эмигрантов и приступить к разработке срочных мер по установлению гражданской власти на Кубе после высадки американских войск и оккупации страны.

Однако вернемся к субботе. Утром в разгар заседания исполкома в Белом доме президенту принесли сообщение, что над Кубой сбит самолет «У-2», а пилот, майор Р. Андерсен, убит. Реакция членов исполкома была почти единодушной: завтра утром американская авиация должна разбомбить все ракетные установки на Кубе. Но президент не давал согласия, медлил... Возможно, он ждал ответа Хрущева на его предложение, переданное через Скали. А ответа из Москвы все не было.

Обстановка на заседаниях исполкома достигла крайнего напряжения. От споров все устали и находились в подавленном состоянии. Впоследствии Р. Кеннеди писал: «И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества стягивается петля, из которой высвободиться становится все труднее».

Как я узнал позднее, в такой же тревожной атмосфере с 22 октября работало советское руководство. Все члены Политбюро находились на казарменном положении – безвыездно жили в Кремле.

Вечером 26 октября от Хрущева в адрес Кеннеди пришло два послания. Первое – примирительное, с проблесками желания достичь соглашения, второе – более жесткое. Ответ, подготовленный госдепартаментом после полудня 27-го, президенту не понравился. Он поручил Р. Кеннеди и специальному помощнику президента Т. Соренсену быстро составить другой текст. Через сорок пять минут проект был готов. Ссылаясь на первое послание Хрущева, американская сторона подтверждала, что также желает урегулировать кризис мирным путем. Далее повторялись условия соглашения, которые накануне направил президент Кеннеди через канал Скали – Фомин. Кеннеди подписал ответ, который открытым текстом был передан Хрущеву.

В субботу Скали вновь вызвал меня на встречу. В резких выражениях он стал обвинять меня в обмане и коварстве. Утверждал, что переговоры с ним я намеренно затягиваю, якобы для того, чтобы закончить монтаж ракетных установок и сосредоточить новые самолеты Ил-28 на Кубе. Не раз повторял, что своим поведением я-де поставил его в глупое положение перед руководителями США.

Как мог, я старался успокоить Скали. Несколько раз разъяснял ему, что каналы связи на Москву забиты, что Хрущев завален срочной информацией из многих стран мира, что я его не обманываю и что посольство ожидает ответа в ближайшие часы. Мне показалось, что удалось охладить Скали и убедить его в искренности моих действий. Оба мы были расстроены. Скали направился прямо в Белый дом и рассказал Кеннеди и исполкому о содержании нашей беседы.

В книгах, изданных в США, пишут, что в субботу, 27 октября, Р. Кеннеди встречался с Добрыниным. В одних указывается, что их встреча состоялась в советском посольстве, а в других – в кабинете министра юстиции. В действительности же они встречались дважды в этот день. Я был свидетелем их первой встречи в посольстве.

По вызову Добрынина около 14 часов я пришел в зал на втором этаже, где он сидел вместе с Р. Кеннеди на диване и о чем-то беседовал. Мне показалось, что диалог шел трудно. Я приблизился к ним. Посол, нервничая, обратился ко мне за какой-то справкой. Его речь, в отличие от обычного, была сбивчивой. Я сразу понял, что мой приход был нужен не послу, а его собеседнику. Р. Кеннеди сидел наклонившись и исподлобья пристально глядел на меня изучающим, а может быть, и осуждающим взглядом. Он пришел в посольство, видимо, для того, чтобы лично посмотреть на советника Фомина и удостовериться, передал ли тот послу известное предложение президента.

Вторая встреча между ними состоялась в тот же день вечером. До четверти восьмого ответ от Хрущева не поступил. Президент поручил брату вновь поговорить с Добрыниным. Встреча состоялась в кабинете Р. Кеннеди. Министр юстиции заявил послу:

– Мы должны получить заверение, что не позже завтрашнего дня ракетные базы будут демонтированы... Москва должна понять, что если эти базы не снесет она, то снесем их мы.

Со своей стороны, Добрынин, действуя в соответствии с последним письмом Хрущева, направленным Кеннеди, настаивал, чтобы США согласились в обмен на вывоз советских ракет с Кубы

убрать американские ракеты «Юпитер» из Турции. Доводы посла, исходившие из принципа равной безопасности, были весьма убедительными. Роберт Кеннеди, после консультации по телефону с Белым домом, заявил, что президент Кеннеди согласен с этим при условии: во-первых, «Юпитеры» будут убраны через три-пять месяцев после вывоза советских ракет с Кубы и, во-вторых, эта договоренность будет храниться в строгой тайне и ее не включат в официальный текст соглашения о ликвидации Карибского кризиса. Роберт Кеннеди объяснил это сложной обстановкой в США и необходимостью проведения соответствующих переговоров с Турцией и другими государствами – членами НАТО.

Поздно вечером министр юстиции встретился еще с советником нашего посольства Г. Большаковым, через которого главы СССР и США иногда обменивались конфиденциальными письмами. В беседе Р. Кеннеди повторил Большакову то, что уже сказал Добрынину. При этом подчеркнул, что если в ближайшие сутки не поступит положительного ответа из Москвы, президенту будет невозможно сдержать военных от вторжения на Кубу.

Тот факт, что эмиссары Белого дома 27 октября настойчиво, целых четыре раза(!), добивались от советского посольства быстрого ответа Кремля на сделанное президентом предложение, свидетельствует о желании Джона Кеннеди избежать военного конфликта, решить возникший кризис мирным путем и тем самым избежать гибели тысяч и тысяч людей – американских, советских и кубинских граждан.

Ответ Хрущева пришел в Белый дом в девять часов утра в воскресенье, 28 октября. Он принес огромное облегчение.

Предложение Кеннеди и ответ Хрущева о мирном улаживании Карибского кризиса были немедленно направлены Генеральному секретарю ООН У Тану, который вместе с представителями СССР и США В. Н. Зориным и Эдлаем Стивенсоном должен был оформить официальное соглашение по этому вопросу.

29 октября и 3 ноября Скали приглашал меня на завтраки в шикарные рестораны (как стало известно позднее, он делал это по рекомендации президента). Мой собеседник просил меня назвать ресторан, где мы смогли бы отведать изысканные блюда и распить бутылку хорошего вина. Он несколько раз повторил, что «мы заслужили это». Я не возражал, тем более что расходы несла приглашающая сторона.

В Скали текла итальянская кровь, по характеру он был горячий, экспансивный человек – типичный Шустрик. Он не скрывал своей радости и восторга по поводу того, что его миссия завершилась так успешно. Я же по натуре медлительный, флегматик, одним словом, Мямлик. Не знаю почему, но в понедельник, 29 октября, во мне радость не была ключом. Возможно, это объяснялось тем, что в течение восьми дней я заставлял свои мозги, свою нервную систему, свое сердце работать на максимальных оборотах. И вдруг все кончилось. Тяжелый груз ответственности упал с моих плеч. Я расслабился, появилось чувство облегчения, даже какого-то опустошения.

В ресторане Скали прежде всего извинился за то, что накануне обвинял меня в обмане и коварстве. За столом разговоры велись главным образом о том, как мир был испуган возможностью ракетно-ядерного конфликта. Мой собеседник разошелся и стал живо описывать, какая напряженная атмосфера царила в Белом доме. Мы выпили за мудрость руководителей наших государств, которые в последний момент пошли на разумный компромисс. Потом болтали о всякой светской чепухе, шутили, острили. Обсуждали будущее мира. Я подчеркивал, что сейчас наступило такое время, когда Соединенные Штаты, несмотря на свою экономическую и военную мощь, обязаны считаться с мировым общественным мнением, иначе американское правительство восстановит против себя многие государства.

Иногда в Вашингтоне, да и в Москве раздаются голоса, что во время Карибского кризиса Советский Союз, мол, отступил под нажимом Вашингтона, испугавшись американской военной мощи. По-моему, так говорят зря. Кризис был урегулирован в результате обоюдного разумного компромисса: одна сторона согласилась вывести ракеты из Кубы, другая – убрать их из Турции. Именно так была ликвидирована угроза ядерного столкновения с непредсказуемыми последствиями. К тому же СССР удалось получить от США обязательство, что они не станут вторгаться на Кубу в будущем. Такая договоренность действует до сих пор.

Вспоминая события, связанные с Карибским кризисом, я много раз задавал себе три вопроса и сам же отвечал на них. Привожу эти вопросы и ответы. По-моему, они покажутся любопытными читателям.

Первый вопрос. Какова была действительная причина того, что посол Добрынин не подписал 26 октября 1962 г. телеграмму, со-

державшую переданные президентом США через Джона Скали условия решения Карибского кризиса?

Мотивировка посла – он, мол, не мог это сделать, потому что МИД не давал полномочий посольству вести такие переговоры – просто несерьезная отговорка. Неужели сотрудники посольства должны лишь формально выполнять указания своего ведомства и воздерживаться от инициативы в своей деятельности, особенно в кризисные ситуации, когда технические средства, обеспечивающие связь посольства с Москвой, не поспевают за быстро меняющимися событиями?

Я думаю, что если бы Скали передал условия урегулирования конфликта кому-либо из мидовских сотрудников, то Добрынин немедленно передал депешу по назначению за своей подписью. Мою же телеграмму он не подписал, так как это означало бы, что посольство стояло в стороне от улаживания Карибского кризиса. Кроме того, не исключено, что посол полагал: я не решусь посылать такую важную телеграмму в Центр, и тогда Белый дом вынужден будет обратиться со своими предложениями к нему.

В данном случае Добрынина подвел чересчур узковедомственный подход к живому, творческому делу.

Второй вопрос. Почему Белый дом не передал, как это обычно принято, условия ликвидации Карибского кризиса через посла?

Полагаю, что президент Кеннеди не хотел этого делать, так как в то время он неприязненно относился к Добрынину и Громыко. Дело в том, что накануне кризисной ситуации советский министр иностранных дел заверял хозяина Белого дома, что СССР поставляет на Кубу только мирную технику, не представляющую никакой угрозы безопасности США. И вообще Советский Союз не будет предпринимать никаких внешнеполитических шагов, которые бы осложнили советско-американские отношения накануне промежуточных выборов в Соединенных Штатах. Советский посол, естественно, вторил своему министру. После получения документальных данных о советских ракетах на Кубе в Белом доме заявления Громыко и Добрынина расценивали как преднамеренную ложь. Об этом много говорилось в американской прессе. Во время дискуссии за «круглым столом» в январе 1989 года в Москве М. Банди и Т. Соренсен открыто подтвердили в присутствии Громыко и Добрынина, что последние лгали президенту Кеннеди.

Третий вопрос. Почему помощники президента Кеннеди – П. Сэллинджер, А. Шлезингер и другие – в своих книгах скрывают истину о том, что предложения о мирном улаживании ракетно-ядерного конфликта сделал президент Кеннеди, и пишут, что впервые они, эти предложения, якобы были получены от советника посольства СССР Фомина? Даже в тексте на мемориальной табличке в ресторане «Оксидентал» в Вашингтоне можно прочитать следующее: «В напряженный период кубинского кризиса (октябрь 1962 года) таинственный русский мистер “X” передал предложение о вывозе ракет с Кубы корреспонденту телекомпании Эй-би-си Джону Скали. Эта встреча послужила устранению угрозы возможной ядерной войны».

Здесь я хочу рассказать о том, как появилась эта табличка. О ее существовании я слышал давно. Но впервые точный текст получил от академика А. А. Фурсенко во время заседания «круглого стола» по Карибскому кризису в Москве 28 января 1989 г. В тот же день я спросил присутствовавшего на дискуссии Скали, почему на табличке выгравирован искажающий правду текст? Скали ответил, что не знает, кто увековечил нашу встречу, и что предварительно текст ему не показывался.

В 1990 году я написал письмо Скали, в котором по просьбе кинорежиссера Андрея Стапрана высказал идею, что неплохо было бы создать совместный советско-американский документальный фильм к тридцатой годовщине Карибского кризиса. В этом письме я поднял также вопрос о необходимости исправить надпись на табличке. Однако в своем ответном письме Скали ни словом не обмолвился об этом.

В первой половине сентября 1992 года я был в Вашингтоне со Стапраном. Он снимал там часть кадров к своему фильму. Кинорежиссер хотел воспроизвести мои встречи со Скали 26 октября 1962 г. в ресторане «Оксидентал» и в кафе отеля «Статлер». Скали, сославшись на запрет телевизионной компании Эй-би-си, отказался сниматься вместе со мной.

А. Стапран снимал меня в ресторане за столом, над которым висит мемориальная табличка. Я был один. Стул, на котором должен был сидеть Скали, пустовал. Я спросил управляющую заведением Джоун Данофф, кто предложил установить табличку и составил текст для нее. Она ответила, что не знает, но сказала:

– Уверена, все интересующие вас сведения о ней вы можете получить у Джона Скали, так как без его участия табличку не могли установить.

Попробую доказать, рассуждая объективно, неправильность утверждений Джона Скали и других американских деятелей, которых я упоминал, и высказать собственное суждение, почему сотрудники Белого дома пошли на искажение истины.

По своему невысокому служебному положению Д. Скали и А. Фомин, особенно если сравнивать их с главами СССР и США, не могли взять на себя столь серьезную ответственность за предотвращение надвигавшегося военного конфликта. (Фомин [А. Феклисов] был бы горд, если бы на самом деле лично сформулировал условия мирного разрешения возникшего кризиса. Но я честно заявляю, что не являюсь автором разумного компромисса и не передавал такие предложения. Поэтому не могу присвоить себе то, чего не совершал. – А. Ф.)

Лишь два человека, располагая необходимой властью, могли принять кардинальное решение о прекращении ракетно-ядерного кризиса – это президент США Джон Кеннеди и председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Весьма возможно, толчком для принятия решения руководителями могла послужить моя первая встреча с Д. Скали 26 октября в ресторане «Оксидентал», где мы «проиграли» вариант развития событий, согласно которому за вторжением войск США на Кубу мог последовать захват армиями СССР и ГДР Западного Берлина. Но лишь толчком – не более. Причем первый импульс исходил от Кеннеди. И это понятно. Ведь содержание нашей беседы, как точно установлено, было немедленно доведено до президента Кеннеди. Сообщение же Хрущеву не направлялось, и, естественно, он не мог на него отреагировать.

Допустим невероятное: Хрущев якобы по своей инициативе составил точно такие же условия мирного урегулирования Карибского кризиса. Но тогда он, несомненно, направил бы их президенту США через посла Добрынина.

Остается только один человек – хозяин Белого дома, кто, ознакомившись с содержанием первой беседы Скали с Фоминым, мог немедленно прореагировать на нее. Что он и сделал. Президент быстро сформулировал условия разрешения кубинского кризиса и поручил Скали срочно встретиться со мной еще раз и от имени «высочайшей власти США» передать их руководству Советского

Союза. Что Скали и исполнил на второй встрече со мной в кафе отеля «Статлер».

Тогда почему близкие к Кеннеди деятели в своих воспоминаниях искажают истину и пишут, что инициатива исходила от советской стороны?

Думаю, что причина станет понятна, если вспомнить, сколь напряженная, буквально сумасшедшая, обстановка сложилась в США 26 октября. Под влиянием пропагандируемого в стране культа силы шовинистические, воинственные круги уже предвкушали вторжение на Кубу и быструю победу над Кастро.

До промежуточных выборов в Конгресс оставалось десять дней. В этих условиях президент Кеннеди, очевидно, посчитал невозможным открыто, публично, в прессе выступить с компромиссным предложением. Он опасался, что военно-промышленный комплекс и антисоветски настроенные массы избирателей обвинят его в трусости, в том, что он боится и идет на уступки Советскому Союзу. В результате демократическая партия могла потерять места в сенате и палате представителей. В силу этих обстоятельств команда президента старалась затушевать, а еще лучше – замолчать тот факт, что компромиссное предложение исходило именно от хозяина Белого дома.

По сути дела, помощники президента тогда завуалировали его разумную инициативу. Ну а сейчас просто нечестно и нет никакой необходимости скрывать правду о мудром и смелом шаге, принятом Джоном Кеннеди во время драматических событий октября 1962 года.

Именно поэтому я рассказал здесь все, как было на самом деле.

С Джоном Скали я встречался еще дважды.

26 января 1989 г. он прилетел в Москву в составе американской делегации для участия в заседаниях «круглого стола» по Карибскому кризису. С разрешения руководства внешней разведки КГБ я также принял участие в этом мероприятии.

Увидев меня на приеме в ресторане «Континенталь», устроенном в честь приехавших зарубежных гостей, Скали страшно удивился. Ведь мы не встречались четверть века – целую вечность, и он обо мне ничего не слышал.

Мы выпили за встречу и рассказали друг другу о своем житье-бытье. Через некоторое время Джон почувствовал себя плохо. Жаловался на духоту, шум. Он вышел из зала и сел за свободный стол в ресторане. Рядом с ним все время была его жена – давала ему ка-

кие-то таблетки, воду, чтобы запить. Я выразил надежду, что его самочувствие улучшится и он завтра придет на открытие «круглого стола». Скоро чета Скали ушла с приема.

В десять утра 27 января началось заседание. Я записался на выступление. Вначале слово предоставили видным политикам, государственным и военным деятелям – А. А. Громыко, Р. Макнамаре, А. Ф. Добрынину, Макджорджу Банди, главе кубинской делегации Х. Рикетсу и другим.

В обеденный перерыв советское телевидение стало снимать короткую беседу Скали со мной. Джон перед камерой начал неправильно излагать содержание наших бесед на встрече 26 октября 1962 г. Он утверждал, что компромиссное решение ракетно-ядерного кризиса первым предложил не президент Кеннеди, а я, Александр Фомин. Я поправил его, начался спор. Съемка не получилась, мы разошлись.

В пятнадцать часов заседание возобновилось. Председательствовавший американский профессор Джозеф С. Най дал слово мне. Я подробно рассказал о содержании моих двух бесед со Скали 26 октября и коротко – о встрече на следующий день. Я подчеркнул, что, как сейчас стало точно известно, информация об этих контактах была доведена до сведения президента и, очевидно, способствовала принятию Белым домом уже созревшего там решения выступить с компромиссным предложением о мирном урегулировании ракетно-ядерного кризиса.

Правда, в этот раз я не сказал, что посол Добрынин отказался подписать подготовленную мной телеграмму, а сообщил, что посольство ее направило в Москву.

Присутствовавшие в полной тишине выслушали мое выступление.

В перерыве ко мне подошли два члена кубинской делегации и поблагодарили за выступление. Подняв кверху большие пальцы рук, сказали по-русски – «хорошо». Американцы никак не реагировали на мои слова, хотя я ожидал, что Скали ответит. Громыко и Добрынин ходили хмурые, явно недовольные. Это подтвердил в разговоре со мной заместитель министра иностранных дел СССР В. Комплектов. Он упрекнул меня за то, что я еще раньше познакомил с содержанием бесед со Скали члена советской делегации, главного редактора «Литературной газеты» Ф. Бурлацкого, а тот, в свою очередь, поведал эту историю одному из руководителей Международного отдела ЦК КПСС Г. Шахназарову, академиком

Г. Арбатову и Е. Примакову и некоторым другим нашим делегатам. Я ответил, что впервые встретился с Бурлацким в декабре 1987 года, чтобы попросить текст его пьесы о Карибском кризисе, которая до этого уже в течение пяти лет шла на сцене московского Театра сатиры. На премьеру автор приглашал своего хорошего знакомого, председателя КГБ В. Крючкова, с которым он в давнее время работал в центральном аппарате КПСС. В пьесе действовал советский разведчик Фокин, прототипом которого был я. Поэтому я заявил Комплектову, что Бурлацкий уже давно знал о содержании моих бесед со Скали. Я поинтересовался у Комплектова, правильно ли, по его мнению, поступил Добрынин, когда отказался подписать телеграмму с предложением президента Кеннеди о мирном урегулировании Карибского конфликта?

– Не буду отвечать на этот вопрос, – зло буркнул Комплектов и прекратил беседу.

28 января до начала заседания я встретился со Скали во время прогулки во дворе гостиницы. Он выглядел плохо. Видимо, действительно был болен. После обмена несколькими светскими фразами я спросил Джона, будет ли он сегодня выступать с возражением мне. Он покачал головой и нехотя произнес:

– Не буду.

Утром 29-го началось последнее закрытое заседание «круглого стола». В самом начале председательствовавший объявил, что Скали просит сорок пять секунд для заявления. Вот оно дословно:

– Я внимательно прослушал выступление Александра Фомина о характере и содержании наших дискуссий в октябре 1962 года. Я уважаю мистера Фомина и согласен с ним, что мы сыграли значительную роль в то время. Однако должен заявить, что многие из фактов, которые он привел, не совпадают с теми, которые я, профессиональный журналист, с большим опытом работы, четко помню. Я не желаю вступать с ним в полемику по поводу того, что тогда происходило, но хочу, чтобы мои воспоминания, несколько отличающиеся от тех, что привел Фомин, были занесены в протокол...

Я не сомневаюсь в том, что в составлении этого весьма дипломатичного заявления приняли участие руководители американской делегации. Слова Джона никто из участников «круглого стола» не комментировал. Уверен, если бы я был неправ, американские делегаты обязательно выступили бы и разнесли меня в клочья. Но они промолчали.

На следующий день после закрытия конференции я приехал в гостиницу ВЦСПС на Ленинском проспекте, где жила американская делегация, чтобы попрощаться со Скали. Пожелал ему всего хорошего, благополучного возвращения домой и подарил ему томик И. Бунина «Короткие рассказы» на английском языке с дарственной надписью. Джон, в свою очередь, преподнес мне книгу М. Банди «Опасность и выживание» тоже с дарственной надписью.

Мы любезно распрощались, выразив надежду на новую встречу. В это, сказать по правде, я тогда не верил.

Однако судьбе было угодно, чтобы наше пожелание сбылось в начале сентября 1992 года, когда я, как уже писал ранее, приехал в Вашингтон для участия в съемках документального фильма о Карибском кризисе кинорежиссера Андрея Стапрана.

Сразу по приезде 1 сентября я позвонил Скали и пригласил к себе в номер гостиницы. Он согласился. Однако утром Джон по телефону сообщил, что не может приехать в отель, и объявил, что встретится со мной только в здании телекомпании. 2 сентября я и Стапран пришли к Скали в его служебный кабинет. Он рассказал, что долгое время болел и только недавно вышел на работу.

Я подарил ему выдержанный грузинский коньяк. Он с благодарностью принял.

По словам Джона, Эй-би-си к тридцатилетию Карибского кризиса готовит двухсерийный фильм, который выйдет на экран 22 октября. А. Стапран сообщил, что он приехал снять интервью с видными участниками ракетно-ядерного кризиса, а также реконструировать тогдашние встречи, и попросил Скали принять участие. Тот отказался, сославшись на запрет Эй-би-си. Тогда режиссер попытался уговорить Джона сняться в ресторане «Оксидентал» без диалога между нами. Стапран был согласен, если американцы будут тоже снимать эти сцены. Он подчеркнул, что в фильме в доброжелательном духе будет показана миротворческая деятельность президента Кеннеди и Хрущева по предотвращению ядерной войны. Скали обещал переговорить со своими боссами в компании и сообщить нам ответ.

3 сентября я посетил Арлингтонское кладбище и возложил две белые гвоздики на могилу президента Кеннеди, который, как я считаю, сыграл главную роль в ликвидации Карибского кризиса. Кинорежиссер снял эту сцену.

Обращает на себя скромность могилы покойного президента. Над ней нет общепринятого у нас холмика. На месте погребения –

ровная газоновая площадка. Вровень с газоном вкопаны две полукруглые цементные плиты, образующие круг диаметром чуть более метра. В центре круга – железная труба, из которой бьет вечный огонь. Никакого надгробия. Около цепи, огораживающей могилу, в газон врыта небольшая бронзовая почерневшая от времени плита. На ней с трудом можно прочитать слова: «Джон Фитцджеральд Кеннеди» и даты рождения и смерти.

Я снова встретился со Скали 4 сентября. Он сообщил, что руководители Эй-би-си обсудили предложение А. Стапрана о совместных съемках в ресторанах и отказались, так как их фильм уже смонтирован на восемьдесят процентов и они не хотят его переделывать. Шефы Джона решили также в контакт со Стапраном не вступать. Запретили и Скали сотрудничать с российским кинорежиссером. Я выразил сожаление.

Затем между нами состоялась спокойная и, я бы сказал, даже дружеская беседа. Мы вспоминали наши прошлые встречи, политические события тридцатилетней давности. Мой собеседник заметил, что ни он, да и никто из его коллег в Соединенных Штатах, еще несколько лет тому назад даже представить не мог, какие радикальные изменения произойдут в Советском Союзе. Скали был раскован, шутил, рассказывал, как он снимался в фильме Эй-би-си. Не забыл подчеркнуть, что ничего плохого обо мне не говорил. Он подарил мне хороший карманный календарь на 1993 год. По моей просьбе Скали дал мне на память две свои фотографии с дарственной надписью на одной из них. И высказал пожелание, чтобы перед отъездом я зашел к нему проститься.

Утром 10 сентября я позвонил Скали. После сухого приветствия он неожиданно недовольным голосом спросил:

– Что вы хотите от меня?

Я сразу понял, что у него скверное настроение. Спокойно сказал, что через день улетаю домой и, как мы ранее условились, хотел бы нанести ему визит вежливости перед отъездом. Он пригласил зайти к нему в середине дня.

Войдя к Скали, я увидел его стоящим посередине комнаты. Он обхватил руками голову и морщился от боли. Я заметил, что он, очевидно, нездоров. Джон пожаловался на головную боль и пальцем поднятой руки показал на потолок. Заметив на моем лице удивление, он пояснил: только что вернулся с бурного совещания у руководства.

Беседа наша не клеилась. Джон разговаривал неохотно, нервничал. Я все же решил сказать, что очень сожалею, что мы не смогли договориться и рассказать в совместном фильме или написанной вместе статье правдивую историю о наших неофициальных встречах в грозные дни 1962 года.

– Я ничего писать не буду, – резко отрубил мой собеседник. – Это вы не хотите признать, что передали мне предложения о мирном разрешении конфликта!

Я не ожидал такого ответа и тоже занервничал, но взял себя в руки и спокойно сказал, что это суцая чепуха, неправда. От этих слов Скали взорвался. Лицо его побагровело, а взгляд стал злым.

Видя, что дальнейший разговор вести бесполезно, я предложил:

– Давай останемся каждый при своем мнении. Со временем история нас рассудит. Моя совесть чиста. Я сплю спокойно.

Скали ничего не ответил.

Я пожелал ему и его семье доброго здоровья и благополучия. Он молча проводил меня по коридору. У лифта, холодно пожав друг другу руки, мы расстались. Теперь, очевидно, навсегда...

Скали, как я понимаю, начал много лет тому назад говорить неправду не по своей воле. Так посоветовали, а скорее – приказали его тогдашние шефы. Сложная внутривосточная обстановка в США, антагонистические отношения между Вашингтоном и Москвой, законы «холодной войны» не позволили сказать правду.

Как трудно пробивается дорога к истине!